

Рубрика. — 2002. — 14-20 марта. — с. 12

Мемуаристы и заговорщики

Об альманахе "Мир искусств"

Этот том не затеряется на самой престижной книжной ярмарке. Строго красив переплет, на едином уровне высокой культуры — авторские, издательско-типографские работы, 800 страниц текста, объединяющего историю с новейшими процессами в искусстве и в науке об искусстве.

Государственный институт искусствознания, под грифом которого осуществлена книга, может по праву ею гордиться, как и Министрство культуры России, в системе которого существует данный институт.

В нашем неустойчивом времени отрадно устойчивое издание. В 1991 году вышел первый альманах "Мир искусств", в нынешнем — четвертый. Устойчива редколлегия издания. Ответственный редактор неизменен — Борис Зингерман. Сегодняшний том предвдваряет его фотোগрафия. Слегка размытая, словно графический портрет. И даты жизни: 1928 — 2000. Предисловие к альманаху написал бы, конечно, сам Борис Исаакович. Предисловие-некролог пришлось писать его сотоварищам по институту и редколлегии. Получился портрет литературный, созвучный фотографии.

Утрата невосполнима для тех, кто читал или слушал Зингермана. Особенно для института, потому что, двадцать лет в нем трудясь, Зингерман развивал идею, ради которой создавался институт. Это идея собирания всех видов искусства, тех, что родились в древнейшие времена, и тех, что возникли только что — кино, радио, новорожденное телевидение. Это возможность проследить общность процессов, взаимовлияния, неизбежности движения от первоначально го синкретизма, нерасчлененности искусств, к грядущему синтезу. Про это — "Мир искусств", 800 страниц; теория, история; воспоминания, осколки-реплики, перебраны от пранайтичных мифов к ультрасовременным.

Еще из предисловия — о том, что стало прошедшим: "... Счастье видеть его, общаться с ним, по мере сил учиться у него, это — благодарное сознание того, что рядом живет выдающегося ума, таланта и душевной грации человек, само существование которого делает жизнь в нашей странной науке устойчивее и надежнее".

Под "странной наукой" подразумеваются театроведение.

Изучение явления, исчезающего во времени, о котором свидетельствуют лишь отголоски; тем не менее — живет и живет театр, а значит, и странная наука, от Аристотеля до Белинского и далее.

Зингерман — мастер странной науки в ее соотношении теории с быстрой практикой, из которой рождается теория. Театровед по призванию и образованию. Учился в ГИТИСе имени Луначарского, который носит сейчас титул Академии театрального искусства. Студенческие-аспирантские годы — послевоенные, перебрал из сороковых в пятидесятые. ГИТИС славен не только профессурой актерско-режиссерской, но представителями странной науки. Лекции читают, семинары ведут Мокульский, Джибелегов, Дурьин, Бояджиев, Эфрос, Шатилов, Марков Павел Александрович. Главный учитель Зингермана.

Выклик старосты курса — "Зингерман", крестик в журнале, означающий — присутствует. Он был аккуратен в посещении занятий, происходивших в тесных гитисовских аудиториях...

"Зингер", или "Боря", окликали мы, увидев перед собой широкого человека в светлом плаще. Вместе входили в холодный ГИТИС или в семью Марковых, которая жила интересами, вкусами, распорядком дня их "Павлика", для нас — Павла Александровича, ибо мы были — марковцы. Марковцы прорастали в семью. Скажем, актриса Анохина подкидывала на время своих поездок малолетнего сына, он читал книжки, листал альбомы,

выросши — стал режиссером Львовым-Анохиным. У Марии Александровны, сестры хозяина, в это время могла сидеть другая Мария, по отчеству Алексеевна. Внучка режиссера Мейерхольтда, имя которого если произносили, то с разьяснением: "формалист"... В памяти внучки хранилось все и вся, имеющее отношение к театру, к жизни дэда. У Марковых появлялись актеры, художники, литераторы, увенчанные сталинскими премиями или опальные, иногда из увенчанных попадавшие в опалу. У Марковых объединялись живущие, сближались имена ушедших — Станиславского с Мейерхольтдом, Скрябина с Шостаковичем, гофмановских "Серрапионовых братьев" с их тезками XX века.

Вспоминаю об этом в память Зингермана и в объяснение уровня "Мира искусств", его авторов, свободных от мнимой свободы, захлестнувшей сегодняшней мир. Зингер с юности, слушая Маркова, словно сам вспоминал 20 — 30-е годы, Горького в Сорренто, Булгакова, в десятой раз переписывающего "Турбины", Луначарского на премьере "Турбины".

Непокой, взрывчатость МХАТа, атмосфера репетиций Станиславского, поиски художников, премьеры "Клопа" у Мейерхольтда, "Оптимистической трагедии" в Камерном, "Зойкиной квартиры" у вахтанговцев оживали для нас у Марковых. Зингер все это наблюдал, любя Марковых, дом в Хомутовском, как собственный дом-семью.

Об этом опять не просто хочется вспомнить — нужно вспомнить. Ведь "марковцы" после ГИТИСа осели в редакции журнала "Театр", а в шестидесятых годах дружным роєм перелетели в Институт истории искусств, ныне — Институт искусствознания. Журнал тогда обновлялся, потому что туда переводились, как в штрафной батальон, неудобные-неудобные высокие инстанциям. Сами "космополиты" или недостаточные с ними борцы: Анастасьев, Караганов, Калитин, Фролов, Холодов... И потому, что пришли молодые, только что получившие дипломы Крымова, Шамович, Строева, Зингерман, Сечин, Смолицкая...

Над всеми — главный Николай Федорович Погодин, классик советской драмы.

У Погодина глаз — снайперски прищурен; рукописи, в том числе "самотек", читает быстро и замеченных вызывает, печатает. Так позвал Свободина, начальника директора музея из Кургана, так вызвал никому еще не ведомого Георгия Владимова — чтобы познакомиться. И вот Свободин — уже сотрудник журнала, и Володя Сапак, приверженный новому искусству телевидения, раскручивает возможного автора...

Зингеру интересно искусство не только европейское, но евразийское в пространствах географических и временных, в долгих изменениях стилей и мгновенных всплесках моды.

Эти свойства дарования и характера, неторопливый азарт наблюдения, несбешная углубленность своей работы в полной мере открылись в институте. Совместность поисков музыки, искусство, литература, театр — других "ведов" увлекает Зингермана. Ученые записки, "чтения", свои книги пишет, редактирует — абзац к абзацу, слово к слову.

Б.Зингерман и А.Аникст

Книги скупы по объему: "Жан Виллар и другие", работы о Чехове, о Горьком, о мировой культуре. Продумана каждая страница "Парижской школы" в соотношении слова автора с пространством живописи-архитектуры.

Кажется, что Зингер объехал мир — вместе с Марковым, востребованным на фестивалях и симпозиумах от Ирландии до Индии, Борис получал приглашения на эти же фестивали, но хранил их, никогда не выезжая, стараясь смотреть все, привозимое в Москву. Из Марселя, из Йошкар-Олы, из Твери-Калинина, из Кенигсберга-Калининграда. Послепремьерные пышные банкеты откровенно не любил, о спектаклях же обычно говорил дважды. Сначала с труппой, с художником — вызывал на диалоги, а потом долго разговаривал с режиссером или балетмейстером уже наедине. Так разговаривал и со своими авторами "Мира искусств".

Однажды я вручила нечто, как мне казалось, очень значительное, с рассуждениями о Заратустре; Борис позвонил быстро, сказал: "Что надо — я сделал, цитаты еще раз проверь". И показал мне мое сочинение, на две трети сокращенное. Сверхчеловека-то он и выбросил. Я отложила полегчавшую папку, во сне видела Зингермана, сидящего в кресле, и рядом — сверхчеловека, похожего на Гарзана. Перечитала: отжата "вода", все встало на место в моем сочинении, а сочинение — на место в предыдущем "Мире искусств". В последнем — тот же принцип. Спаянность разделов: "Теория", "Воспоминания", "Архитектура...", "Театр..." и свободное расположение авторских, личностных, развернутых и малых трудов в этих разделах. Почти книга по объему, гораздо больше, чем просто книга по содержанию — "Архитектура авангарда и картина мира в XX веке" А.Якимовича.

Невелика "Ночь в Венеции" С.Бархина. Как ее назвать — музыкальный этюд или литературное эссе?

Т.Шах-Азизова назвала свое исследование-воспоминание: "Театр Анатолия Эфроса: пушкинский пунктир". Пунктир — прерывистость и целеустремление опытов режиссера на сцене и на телевидении, "вглядывание в лица, вслушивание в слова". Сколько открыл Эфрос будущему театру и "ящичку" — нам представляется домыслить. От "пунктира" — к интервью с Ю.Любимовым — "Таганка и Пушкин". Любимовские пунктиры своего Пушкина, Гоголя, конечно же — Шекспира.

Для Зингермана спектакли Любимова — предмет пристального внимания и непрерывного анализа. Их "пунктиры" сливаются в единую стрелу времени, на которую нанизаны музыка и безмолвие, пьесы и романы, стихи и проза, лед и пламень, актерство и режиссура. Артист Любимов и театровед Бартошевич дополняют друг друга. Тема

шекспироведа: "Английские актеры — мемуаристы и заговорщики". Здесь сопрягается эпоха самого Шекспира с его восприятием в XX — XXI веках. Постоянная тема Зингермана выделена в раздел "Вокруг Чехова". Название его собственных размышлений — "Между Европой и Азией": "Чехов — это и предтеча и итог... распахнутое окно в будущее европейского театра, как распахнуто окно в сад в последней чеховской пьесе". Как пригодятся этому будущему странствия с Чеховым от Европы до Сахалина, восприятия Рима через сходство с Харьковом, заметки об интеллигентном Красноярске и "совсем Европе", то есть Иркутске. От "шлейфа литературных ассоциаций" освобождает чеховского Иванова А.Путченков, в философско-литературные ассоциации вводит "Черного монаха" Н.Дмитриева. И как верно, что Зингер привлек в свое чеховское пространство не театроведа, но "чеховеда от литературы" Э.Полоцкую. Да, помнил и рассказывал Станиславский о том, как искал Чехов не название — ударение в одном слове. "Вишневый сад" с ударением на "и" — реальный, доходный, под тем же Харьковом. "Вишневый", с ударением на "е" — символ, красота прошлого и тревога за будущее, как "звук лопнувшей струны". Это уж самые ничего не знающие абитуриенты театральных училищ знают. Что тут можно открыть? А Эмма Григорьевна обнаружил, что в словаре Даля оба ударения — на равных правах, и у Лермонтова казначей носил "ермолку вишневого цвета". Представляю, как радовался Зингерман, получив эти соображения для альманаха. Только непонятно, почему статья — в отрыве от пространства "вокруг Чехова"? Стоит в другом разделе? Может быть, это объяснит бесслесный ответственный секретарь издания Е.Перегудова, выносившая многолетнюю взыскательность и радость работы с кандидатом искусствознания Б.И. Зингерманом? Я не оговорила. Борис был кандидатом наук. Он не умел и не хотел составлять и куда представлять перечень своих работ, заполнять и заверять "формы №..." и отзывы. Другим — заверял, о других говорил с редактором, с рецензентами. Медленно шел на заседание в институт, оттуда на спектакль, привезенный с Амура, из Архангельской области; всем был нужен, всем будет нужен. И его книги переиздадут. И "Мир искусств" следующий дожждется своего срока.

Название "Мир искусств" может иметь значения: "Мир — пространство, мой дом — мой мир". И мир — отсутствие войн, долгое вхождение всех в такой мир. В него ушел мудрый заговорщик Зингерман.

Елена ГОРЯЧКИНА-ПОЛЯКОВА